

Неистовая скука

Ольга Чайковская

«Совок!» — кто бы знал, как я ненавижу это слово! И к «менталитету», создавшему его, отношусь без уважения, большая он, по-моему, тупица, этот «менталитет», уже по одному тому хотя бы, что не догадался определиться в понятии. Что такое «совок»? Нечто низменное, тупое, нечто, вскормленное годами советской власти, — разве это определение? Вроде бы их много, «совков», вроде бы они являют собой какую-то новую категорию (пора заводить графу анкеты?), но кто они и, главное, в чем их низость и тупость — все это решается в каждом данном случае или, точнее, в данную минуту раздражения, ибо перед нами просто ругательство, в соответствии с характером эпохи имеющее ядовитую политическую окраску. Кстати, не советский ли менталитет породил это слово? В тексте, о котором пойдет речь, оно, к сожалению, присутствует.

Культура — это единственное, что помогает жить «в холоде текущих дней», — пишет Ю. Нагибин («Так что же происходит?», «Век» № 7). Культура, которая у нас сейчас в расцвете, «достаточно краткого списка, чтобы это доказать». Платонов, Гроссман, Солженицын, русское зарубежье, Набоков; романы, рассказы, мемуары. «Мы, наконец, узнали, как высока русская философская мысль, особенно религиозная, навалом идут труды В. Соловьева, Бердяева, Розанова, издаются Федоров, Флоренский, С. Булгаков и др.» В списке особое место занимает «то, что лучше всех романов, внешне являющаяся великая книга Даниила Андреева «Роза мира». «Читали вы все это?» — спрашивает нас автор, и сам же саркастично отвечает: не читали, не читали, мимо прошли! «Говорят, книги дороги», — продолжает он. — Чепуха! При теперешней зарплате книги дешевле, чем раньше, просто они не нужны». Оставим в стороне сомнительный тезис о расцвете нашей нынешней культуры, оставим и вопрос о дешевизне книг, который уже вне сомнений (на еду не хватает, не только что на книги), — обратимся к главной теме, к ясно высказанному упреку: культура оказалась невостребованной, люди сами обрекли себя на жалкое прозябание, отказавшись от этого живительного источника. Проблема влияния культуры на внутренний мир человека и на всю его жизнь (не новая, но вечная) поставлена четко, но понять ее в ее конкретном состоянии у нас невозможно (никакая статистика не поможет, когда речь идет о развитии души), зато невольно возникает соблазн рассмотреть эту проблему, обратясь к самому очерку, автор которого выразил,

и притом в весьма крепкой концентрации, свою нынешнюю жизненную позицию, свое отношение к тому, что происходит в обществе.

Да, конечно, влияние литературы, художественной, философской, религиозной. Та же «Роза мира» — книга мистическая, это мечта о земной жизни, которую преобразует некая надмирная религия, растворяющая в себе государство и нацию. Для Андреева это, разумеется, не мечта, а такая же реальность будущего, как для Н. Федорова воскрешение «отцов», но если книга Федорова все же апеллирует к науке и тем вызывает тучу вопросов, мистическая книга Андреева для критики неуязвима, хочешь — верь, хочешь — нет, однако самое она, написанная поэтом, отмечена тонкостью чувств, свойственных христианской этике, несет сильный заряд душевной энергии и тем дорога. Но почему именно ее особо выделил Ю. Нагибин, что важно ему в других философских, религиозных, нравственных книгах?

В странном состоянии духа находим мы писателя: он скучает, откровенно, смертельно скучает — всего-то и было у него три дня, когда не скучал, это дни путча, защиты Белого дома, дивные три дня, когда вдруг «из какой-то непонятной дали выплыли прекрасные, одухотворенные лица, и содеялось то, что было метафорой в первые, самые гибельные дни Великой Отечественной войны: грудью против танков... Я все думаю, куда девались те дивные лица, которые три железные ночи источали волшебный свет? Кругом какие-то страшные свиные рыла». Естественно, в таком окружении радости мало. И автор скучает — прилюдно и неистово. «Я испытываю скуку, как в той деревенской баньке с пауками, которая, по Достоевскому, дает образ не романтизированного ада», — не хочется напоминать, что банька с пауками привиделась Свидригайлову, его тема. Не странно ли все это?

Ну, конечно, прежде всего тезис о «рылах». Можно ли опровергать его, да еще примерами из жизни (у одного одни приме-

ры, у другого — другие), и все же иного пути я не вижу. Моя недавняя командировка: старинный уральский городок, небольшой, но промышленный; я живу не в гостинице, а в семье. Четыре человека: дочери — яростные демократки (во время путча противостояли ему на местном уровне). «А папа у нас реакционер», — говорят они. Папа умиющий, газеты так насквозь и просвечивает, действительно демократов не любит. Не знаю политическое направления мамы, думаю, ей некогда определиться, она — юрист и столь же яростный правозащитник, на ее счету немало побед, и могу засвидетельствовать, одна спасенная от казни невиновная жизнь — немало? Младшая дочь, работая в местной газете, также обнаружила завидную энергию в деле помощи людям. Старшая задумала и осуществила — уже в Москве, с мужем — некую Школу практической психологии, цель которой помочь людям найти жизненную позицию, понять масштаб жизненных явлений, строить отношения друг с другом (оказалось, что такая служба очень нужна, у них корреспонденты по всей России, по всему СНГ, города, поселки, деревни). В семье очень любят друг друга, это видно невооруженным взглядом, любят преданно, весело — и плюют с высокого дерева на все политические ориентации. Культ семьи, который никакие идейные разногласия поколебать не могут, — согласитесь, нетривиальное явление для нашего времени с его непростанной и страстной кошачьей сварой. А тут — семейные отношения выше идейных! Культ семьи сочетается с культом дружбы (кстати, повторение духовных основ XVIII века и пушкинской поры), вокруг этой семьи союз нескольких других. Они знают дела и заботы друг друга, у них уже общие воспоминания, своя история, где и катастрофы, и удачи (и великое множество комических происшествий). Мужчины тут профессионалы, наш папа — инженер-связист, глава другой семьи — санитарный врач; есть хирург, есть капитан милиции, пожарник (то же профессия не из простых).

Много времени они проводят вместе (кстати, их объединяет и тайга, и река), их садовые участки рядом, сейчас они как раз и заняты сельскими работами. «Честно говоря, — замечает папа (связист и реакционер), — я предпочел бы покупать картошку в магазине, чем сажать ее, окучивать, копать и таскать, но раз такие дела...» И он углубляется в огородническую литературу. Вряд ли этот маленький мир являет собой идиллию, но тут очевидна прочная жизненная основа, сплетение надежных связей. Вообще начинает казаться, что наше общество, брошенное в водоворот социальных бедствий, самодеятельно, не надеясь ни на власть, ни на каких-нибудь профессиональных наставников, потихоньку спланивается, объединяя силы для самообороны и работы. Они не состоят в политической оппозиции, эти люди, они создают конструкции семейных и дружеских (может быть, и профессиональных) связей, создают интуитивно, приведенные к тому простой логикой жизни, непосредственной тягой друг к другу. Но не исключено, что в этих союзах есть уже и осознанное стремление к жизненной прочности, которая может выйти за пределы семьи и дружеского кружка.

Что говорить, много в нашей жизни злых, лживых, корыстных людей, сейчас их развелось больше, чем «положено», они изрядно отравляют жизнь — но не они составляют ее суть. Я недаром рассказываю о людях помогающих, спасающих, список их можно продолжить — ну, к примеру, правозащитники, «Центр содействия» В. Абрамкина — это люди сильные, обаятельные, работающие, свою цель они видят ясно, к ней идут прямо — да им суток не хватает на все, что задумано и необходимо!

Удивляюсь, и где это Ю. Нагибин кругом себя столько свиных рыл нашел.

А он свою тему упорно тянет: «Мы подходим к самому волнующему, трепетному моменту нашего бытия — к тому, что для него «и вдохновение, и жизнь, и слезы, и любовь» — колбаса». О господи! Опять она. Это только

Так что же происходит с нами и с Юрием Нагибиным?

в представлении нашей острой прессы колбаса стала символом народных чаяний. Привязанность и ответственность — вот главное в жизни людей, «самый трепетный момент бытия» для них сегодня — прокормить родных детей, продлить жизнь родных стариков, уберечь их всех от невзгод (а теперь для многих — сохранить крышу над головой и самое жизнь!). Не тяга к колбасе, а страх голода. Эта последняя тема особенно раздражает Ю. Нагибина. «Что, собственно, происходит? — спрашивает он недовольно. — Если продукты имеются, то голода нет, хотя о нем вопят, пугая друг дружку, все, кому не лень». Вот когда на рынок выносятся человеческое мясо, а родители съедают детей, вот это голод! При советской власти, продолжает он, всегда было голодно, «но все молчали, потому что Сталина боялись больше, чем смерти от голода... Но настала гласность, и все разорались и стали делать, как говорит наша лифтерша, «без мухи слона». Студент упал от недоедания, какой поднялся ор! Что бы ему поискать работы да заработать на кусок хлеба». И тут, конечно, неизменная ссылка на Америку. Но в Америке на зарплату (и стипендию) можно жить и прокормить семью, у нас нельзя. А подрабатывать люди не могут, потому что их самая тяжелая работа начинается после восьмичасового рабочего дня — магазин с ужасом его душивших, тесных очередей, а кто будет стирать (прачечные недоступны по ценам), латать старую одежду (новой не купить). А дети? Они требуют еще и духовной пищи, общения. Что касается голода, то он вовсе не только тогда, когда едят человечину, есть другие его стадии: организм голодает, не получая определенных, необходимых ему продуктов, а голодая, слабеет, болеет; что до детского, он может искалечиться недоеданием на всю жизнь. А вот сценка, каких теперь на каждом шагу: маленькая девочка стоит у ларька, где за стеклом шоколадки, она ничего не просит, только смотрит. «Доченька, — говорит ее мать, почти стонет. — Неподступно!» А им уже

и мясо неподступно, и сливочное масло, и детские башмаки — а как теперь будет с хлебом?

Но грозный писатель не знает снисхождения и не слушает оправданий. Он возмущен до глубины души. Это надо же, до какого цинизма люди дошли — не хотят работать! Знакомая писательница искала старушку к внуку, сулила золотые горы — и не нашла. Со стыдом вспоминаю, когда-то и я занимала ту же позицию и как-то даже спросила одну женщину: «У вас такая маленькая пенсия и так много свободного времени...» «Я тридцать лет простояла у конвейера, — отвечала та. — Работа мне нравилась, не могу ничего сказать, руки делают свое, голова думает свое, но все же сожрал он мою жизнь, этот конвейер. Да какое право имеем мы что-то еще требовать от этой женщины, для которой, наверное, работа при ребенке так же тяжела, как и для знакомой писательницы, обладающей золотыми гор.»

Очерк Ю. Нагибина между тем к концу набирает какую-то странную, дурную скорость, как машина, где шофер в инфаркте, и скачет она по бездорожью. Слова уже вовсе теряют ответственность — мало нам «совков», мы узнаем, что наше общество, оказывается, «совковая жижа». Но своего предела негодование автора достигает на теме ваучеров. Советская власть никогда народу ничего не давала, пишет он, только грабила, нынешняя власть дает — и что же? «Мало!» — проламала изнемогающая на смертном одре пенсионерка... «Мало!» — пропичал трехлетний младенец и описался! — ну и так далее, целый абзац.

Видно, с юмором у меня что-то туго. Когда умирающая женщина говорит о ваучере «мало», она имеет в виду реформу, которая, превратив в пыль бережения всей ее жизни, ограбила ее так, что никакими ваучерами этого не возместить. Она «изнемогает на смертном одре» (может быть, действительно это смешно?) не только от смертной муки, к ужасу смерти прибавляется сознание, что смертью своей она взваливает на родных погребальные

расходы, сейчас тоже для них неподступные. Нет, лучше бы оставить в покое старушку, равно как и младенца, тем более что «мало» говорят не только они, но и экономисты, да и кто не говорит, если, судя по газетам, как раз 10 тысяч стоит нынче шенок ротвейлера или ночь проститутки (правда, очень хорошей).

Правильно ли поступил «Век», напечатав очерк? Безусловно. Позицию, изложенную здесь, разделяют многие интеллигентные люди (из обеспеченных, конечно). Кстати, возникло замечательное явление — агрессивная некомпетентность, черпающая знания из газет (которые пишут, кто как умеет), и потому решительно все знающая. Совхозы и колхозы немедленно распустили! Нерентабельные заводы немедленно закрыть! — кричит она, не имея ни малейшего представления о том, что такое колхозы, что такое заводы и в каких тисках сейчас бьются и те и другие. Это неясное чувство страны свойственно многим интеллигентным людям — отсюда запальчивость, раздражительность, отсюда и неточность попадания. Отсюда же, наверно, и убеждение, будто «в наших условиях ничего сделать нельзя. Не дадут!», а это уже позиция. «Не дадут?» Первые голы перестройки показали, что общественное мнение — это сила, которая может вмешиваться в жизнь очень решительно и результативно.

«Трудно дышать, не работает, не пьется, не любится» — неловко давать советы, тем паче банальные, но все же: если перенести свой жизненный интерес на людей, несчастных, на общество, смятенное, самому полегчает — а дел-то ведь, как всякому ясно, сейчас непочатый край. Страна погибает не только от экономического кризиса, но и от того, что сбилась с нравственного пути, это тоже всем ясно; поиск спасения, верной дороги — разве не в том социальная задача интеллигенции? Но ведь с ней-то как раз дела обстоят плохо. Любопытный разговор произошел однажды между отцом Александром Менем и его наставником. «С интеллигенцией больше всего намучишься», — сказал тот. «Он

был, — продолжает отец Александр, — пастырем именно этого духовно заброшенного сословия». Но ведь действительно: духовно заблудшим оказалось именно то «сословие», которое должно вести спасательную работу просветительства. Одно время возникла надежда на церковь. Но ведь и православная церковь, так явно сливающаяся сейчас с государством, сама вызывает тревогу, уже идет борьба за «чистоту веры», уже отчетливо слышно слово «еретик».

В чьих руках сейчас дело просветительства — журналистов? Но они вовсе потеряли стыд: любая ложь может всплыть на экране или протечь с газетной полосы (а интеллигенция молчит, только посматривает, свой это или чужой, выгодно или невыгодно). Да куда ни глянь, всюду нравственный перекося. Темная этика нового бизнеса (рви глотки!) захлестывает страну. А что происходит с эротикой? Русская интеллигенция всегда понимала, какую невероятную, трагическую сложность несет в себе проблема секса (недаром говорили — бездна), наука знает, какой осторожности, какого высокого профессионализма она требует, а у нас экран стал едва ли не секс-тренингом, беллетристика наперебой старается (кто хлеще), — и мы получили до сих пор невиданное — насилие детей друг над другом. Казалось бы, отчаяние берет. Но мне опять вспоминаются слова Александра Менья, великого просветителя, действительно впитавшего в себя русскую и мировую культуру: «Удивляет не зло в людях (оно закономерный продукт этической катастрофы), а то, что в такое время свет не погас».

Имел ли право Ю. Нагибин на свое выступление? Конечно — свобода слова, вопрос только в чувстве ответственности. Другого я не понимаю: при чем тут «русская философская мысль, особенно религиозная», зачем было читать Бердяева с его бурной горячностью слов и дел, С. Франка с его благородной вдумчивостью или ту же «великую книгу» «Роза мира»? Опять же прошу прощения за банальность: культура — это не то, что прочел, а то, что усвоено душой и пошло ей на пользу. Сколько ни искала я в очерке знаков этой культуры, следов ее обрабатывающего, облагораживающего резца, ничего не нашла, и это, честно говоря, ужасно грустно (ведь Ю. Нагибин написал давнего «Комарова» и недавнее «Встань и иди!» — вещи большой сердечности). Основа культуры очевидна: это совесть, а лейтмотив очерка — раздражение и скука, тягостная, тягучая. Не странно ли для русского писателя так старательно скучать в годы народных бедствий?

Это мы, Господи!

Москва, Арбат

Фото Сергея Шахмиджаня